

Генриетта Яновская — главный режиссер Московского театра юного зрителя — одна из загадочных фигур театрального мира. Имея репутацию режиссера независимого, оригинального, совершенно нетрадиционного, она обрела наконец-то свой театр и начала выстраивать свой собственный «дом». Кто живет в этом доме, каких гостей там ждут и что хозяйка думает о жизни всего театрального «городка» (или «города») — как пожелаете) — конечно, в коротком разговоре всего не выспросишь, но о многом можно догадаться.

— Генриетта Наумовна, у вас есть свой прогноз театральной жизни Москвы на этот сезон?

— Нет. Я не предсказатель и не метеослужба, чтобы заниматься прогнозами.

— Ваш театр уже нашел «своего» зрителя? Ведь были громкие разговоры, мол, ваши спектакли не для детей...

— Мои спектакли — не для детей и не для взрослых. Они — для людей, для тех, кто нам интересен, с кем мы могли бы найти общие точки соприкосновения. Искусства «для всех» вообще не существует — люди слишком разные. И не имеет значения — 12, 16 или 70 лет моему зрителю.

— Но в 16 и в 70 лет у людей разное восприятие жизни.

— Не восприятие. Разный жизненный опыт, разная широта ассоциаций. Но на уровне чувственного восприятия искусства театр воздействует на любой возраст. У ребенка может не возникнуть какой-либо сложной ассоциации, но на уровне чувственной идеи спектакля он все прекрасно поймет. Шестилетний мальчик говорил после нашего спектакля «Собачье сердце», что ему жаль собаку, что человек, который получил в результате операции, — плохой и что профессор нисколько не жаль, потому что его никто не просил делать эту операцию.

А «свой» зритель... И «Собачье сердце», и «Гуд-бай, Америка!!!» вызывают интерес самой широкой, разнообразной зрительской аудитории. Широкой и по возрасту, и по направленности интересов, и по уровню подготовки к восприятию театрального или другого искусства. А «Соловей» и «Записки из подполья» «отбирают» своего зрителя. Мы заметили, что

13—14 лет рано смотреть этот спектакль, но родители говорят, что они сами уже смотрели и теперь сознательно привели ребенка.

Я думаю, это и есть «свой» зритель.

— Какие премьеры готовятся в МТЮЗа?

— Спектакль для самых маленьких, с простым и прозрачным сюжетом — «Наследство Бахрама». Его делают

Сколько лет зрителям МТЮЗа?

«Соловья» с наибольшим интересом смотрят и любят зрители с художественными наклонностями и какой-либо художественной подготовкой. Это могут быть ученики музыкальных, художественных, литературных классов и так далее или взрослые с тем же преломлением интересов. А есть зрители, которым в «Соловье» не хватает назидательности.

Что же касается «Записок...», то мы боялись слишком молодого зрителя на этом спектакле. Для восприятия Достоевского требуется серьезная, мучительная умственная работа, а для восприятия спектакля Гинкаса — еще и художественная подготовка. И когда пришли молодые люди 16—17 лет, должна признаться, мы были изумлены их словами. Они говорили: «Это НАШ спектакль, и не надо пускать в зал людей старше сорока — они этого уже не поймут».

Иногда мы пытаемся убедить родителей, что детям

ленинградцы — режиссер Кирилл Датешидзе и художник Марина Азизян. Делаются совершенно потрясающие, великолепные декорации... Обещаю, что на сцене будет слон.

— Настоящий?

— Больше настоящего. Еще один спектакль должен выйти — «Петрушка» на музыку Стравинского в постановке Олега Киселева. Москвичи знают его по «Каникулам Пизанской башни» и «Глюкам». Это неожиданная работа для актеров театра, попытка существования в жанре пластической импровизации, разработка иного сценического языка.

— А вы спокойно относитесь к постановкам «чужих» режиссеров в вашем театре?

— Ну, что значит «спокойно»... Если бы все талантливые режиссеры захотели поставить у меня спектакли — я была бы только рада. Но большинство таких режиссеров заняты своими театрами. Я просто знаю, как это тяже-

ло, когда твой спектакль идет в театре с иной эстетикой, и постепенно этот спектакль гибнет. Актеры вносят в него чуждую эстетику.

Быть главным режиссером — и гадко, и противно, и единственный плюс в этой работе — то, что все твои спектакли собраны под одной крышей, они как бы «выходят» один из другого, дополняют друг друга.

Я уже лет 20 мечтаю поставить «Грозу» А. Н. Островского. И вот теперь решилась. Но Сергей Бархин предложил настолько выразительный, неожиданный ход в оформлении, что мы не можем играть этот спектакль на нашей сцене. Да я никогда и не хотела, чтобы «Гроза» шла в привычной сценической коробке. Я обращаюсь ко всем руководителям предприятий, типографий, трамвайных депо и так далее, и так далее — нас устроит любое производственное помещение, которое уже отслужило, не нужно. Ведь есть же сейчас убыточные, нерентабельные предприятия, где работают люди на старом, разваливающемся оборудовании, — отдайте нам это помещение! Это может быть любой подвал, котельная, пусть там будут трубы, это ничего...

— Вы будете играть в таком помещении?

— Да. Мы будем там играть.

И еще. У театра есть спутник — Театр Сергея Казарновского, театр, где играют дети. Мы вместе организуем 1-й Московский международный фестиваль «Театров, где играют дети». Он пройдет со 2 по 11 января, в дни школьных каникул. Уже подключились многие организации — одни предложили деньги, другие — технику, еду. Детей нужно где-то разместить, показать им столицу. Да и накормить ребят в Москве в январе 1991 года — задача не из легких.

Интервью взяла
Мария БОГАТЫРЕВА.